

Калеб КАРР

Калѐб КАРР

АЛИЕНИСТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К26

Серия «Алиенист»

Caleb Carr
THE ALIENIST

Перевод с английского *С. Натанова*
под редакцией *М. Немцова*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения литературных агентств
William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

Карр, Калев.

К26 Алиенист : [роман] / Калев Карр ; [пер. с англ. С. Натанова]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 576 с. — (Алиенист).

ISBN 978-5-17-116187-3

1896 год. Улицы Нью-Йорка превратились в «охотничьи уголья» изощренного убийцы, избравшего своими жертвами несовершеннолетних мальчишек.

Чтобы избежать открытого скандала, будущий президент США, а ныне комиссар полиции Нью-Йорка Теодор Рузвельт поручает неофициальное расследование Ласло Крайцлеру, алиенисту, человеку, занимающемуся изучением психических патологий. Вместе со своей командой Крайцлер выследит убийцу. Но пока тот на свободе, он будет убивать снова и снова...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-116187-3

© Caleb Carr, 1994
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Эта книга посвящается

Эллен БЛЕЙН, Меганн ХАЛДЕМАН,
Итану РЕНДЕЛЛУ, Джеку ЭВАНСУ
и Юджину БЁРДУ

Тем, кто желает оставаться молодыми в старости,
уже в молодости следует стать стариками.

*Джон Рэй**

* Джон Рэй (1627—1705) — английский натуралист, первым предложивший систематическую классификацию живых организмов. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Примечание автора

До начала двадцатого столетия люди, страдавшие психическими расстройствами, считались «отчужденными» не только от общества, но и от своей человеческой природы. В те времена специалистов, занимавшихся изучением психических патологий, называли *алиенистами*.

Часть первая

ВОСПРИЯТИЕ

...Пока часть того, что составляет наше восприятие, поступает к нам через органы чувств от объекта, находящегося перед нами, другая (и, быть может, значительно бóльшая) часть всегда приходит из глубин нашего собственного разума.

*Уильям Джеймс. Принципы психологии**

Эти кровавые мечты —
Что порождает их?

Франческо Пьяве. Из оперы Верди «Макбет»

* Уильям Джеймс (1842—1910) — американский психолог и философ, основоположник прагматизма. Его фундаментальный труд «Принципы психологии» опубликован в 1890 г.

Глава 1

8 января 1919 года

Теодора больше нет.

В словах, которые я только что написал, не больше смысла, чем в образе его гроба, погружающегося в клочок песчаной земли неподалеку от Сагамор-Хилл, — места, любимого им более всех прочих райских уголков. Еще когда я стоял там, продуваемый насквозь стылым январским ветром с пролива Лонг-Айленд, мне подумалось: «Конечно. Это шутка». Конечно, он сейчас сорвет крышку гроба, ослепит нас всех своей дурацкой усмешкой, скорее смахивающей на оскал, и зайдется в дребезжащем и режущем слух хохоте. Потом объявит, что, мол, есть срочное дело — «Есть работенка!» — и мы будем незамедлительно построены для выполнения ответственного задания: защите некоего маловразумительного вида тритонов от хищнического истребления индустриальным гигантом, коий преступным путем разместил свое зловонное производство в местах любовных игрish крошечных рептилий... И я был не одинок в этих фантазиях, все присутствовавшие на похоронах чувствовали нечто подобное — это было написано на их лицах. Представить, что Теодор Рузвельт действительно покинул нас... совершенно немыслимо.

Хотя в действительности никто не отдавал себе отчета, что он стал угасать уже давно, с тех пор как его сын Квентин пал жертвой Великой Бойни в ее последние дни. Сесил Спринг-Райс, явив однажды образец типично британского сплава искренней заботы и не менее искренней язвительности, пробубнил, что Рузвельт всю свою жизнь был «шестилетним ребенком». В свою очередь Герм Хэгедорн заметил, что после того, как самолет Квентина ле-

14 том 1918-го сбили, «ребенок в Теодоре умер». Сегодня вечером, ужиная с Ласло Крайцлером у Дельмонико, я напомнил ему об этих словах Хагедорна. На протяжении двух оставшихся перемен блюд я был нещадно подвергаем длительному и типично Крайцлеровому страстному объяснению истинных причин, согласно которым смерть Квентина стала для Теодора чем-то большим, нежели просто несчастьем: тот искренне винил себя в случившемся, к тому же вина эта усугублялась его собственной философией «усердной жизни», согласно которой дети, стараясь порадовать родителей, зачастую сознательно подвергают себя опасностям. Для Теодора такие мысли были практически невыносимы, и я всегда знал это. Всякий раз, когда ему приходилось терять кого-то из близких, создавалось впечатление, что в борьбе с самим собой он может просто не выжить. Но все обошлось до сегодняшнего вечера, когда, внимая речам Крайцлера, я осознал всю степень недопустимости подобных моральных колебаний для двадцать шестого президента, который временами даже самому себе представлялся воплощением Правосудия.

Крайцлер... Сам он не хотел приезжать на похороны — на его присутствии настаивала Эдит Рузвельт. Она всегда была неравнодушна к человеку, которого величала не иначе как «энигмой», великолепному доктору, чьи изыскания в области человеческой психики так основательно растревожили общество за последние сорок лет. Крайцлер написал Эдит записку, в которой объяснил, что ему не слишком нравится сама идея мира без Теодора, и посему, находясь, как и Рузвельт, в возрасте шестидесяти четырех лет, а также учитывая жизнь, проведенную в неустанном наблюдении безобразных реалий повседневности, теперь он полагает, что вправе позволить себе некоторую поблажку и просто пренебречь фактом ухода из жизни своего друга. Сегодня Эдит призналась мне, что послание Крайцлера довело ее до слез. Она вдруг поняла, насколько безграничен был неистовый энтузиазм Теодора (вызывавший приступы праведного гнева у столь многих циников, и — сообщая это исключительно в целях сохранения журналистской беспристрастности — временами тяжело пере-

носимый даже друзьями), если сейчас ему удалось таким манером повлиять на человека, чье всеобъемлющее отчуждение от общества представлялось большинству почти непреодолимым.

Кое-кто из «Таймс» хотел, чтобы сегодня я присутствовал на поминальном ужине, но этот тихий вечер с Крайцлером показался мне куда более ценным времяпрепровождением. И тосты, возносимые нами, ни в коей мере не были данью ностальгии по совместному отрочеству в Нью-Йорке, ибо на самом деле Ласло и Теодор познакомились уже в Гарварде. Нет, просто на самом деле Крайцлера и меня очень тесно связала та весна 1896 года (почти четверть столетия назад!) и череда событий, которые до сих пор кажутся слишком фантастическими даже для этого города. Уже заканчивая с десертом и мадерой (и сколь мучительным было устраивать поминки у Дельмонико, у старого доброго Дэла, ныне постепенно превращающегося вместе с нами в один лишь пустой звук, а ведь в те дни ресторан его был воистину оживленным местом наших важных встреч), мы уже вовсю потешались, качая головами, над тем, как же это нам удалось пройти через столь суровое испытание и сохранить при этом собственные драгоценные шкуры. И в то же время, судя по тому, что я наблюдал в лице Крайцлера и чувствовал в собственной груди, мы продолжали помнить всех тех, чьим шкурам повезло куда меньше.

Да, пожалуй, простыми словами всего этого и не опишешь. Я мог бы сказать, что, с ретроспективной точки зрения, все наши жизни, равно как и жизни многих других людей, неизбежно должны были сойтись в том страшном и зловещем эпизоде, но здесь я неминуемо дал бы повод заговорить о психологическом детерминизме, вопросах свободы воли человека — иными словами, вернуться к обсуждению извечной философской загадки, неумоимо вызывающей к нам из тех кошмарных событий, подобно единственной различимой мелодии в запутанной опере. Или я мог бы сказать, что в те дни Рузвельт, Крайцлер и я при помощи лучших представителей рода человеческого, когда-либо мне встречавшихся, отважно двинулись по следу кровавого монстра и в результате оказались лицом к лицу